

Диалог внутри языка. Рационален ли язык?

Ответ на вопрос рационален ли язык был и будет различным в зависимости от выбранных философских предпочтений и от понимания, что есть рациональность¹. Полярными полюсами, очевидно, будут такие представления: язык - проявление духовной сущности народа² и язык - результат материально-приспособительной деятельности человечества (материалистическая традиция). Если первое выразимо в предельно широких понятиях мышления, сознания, мировоззрения, то второе ярко выражает в данном случае прикладное значение языка как технического средства общения. Общим, однако, для обоих случаев является одно из существенных качеств языка - его орудийность, жизненно необходимое средство общения. Экзистенциальный аспект в первом случае ясно присутствует в основном постулате картезианского рационализма - "я мыслю, следовательно, существую", во втором - механическая аналогия житейски-экспериментальным событиям-ситуациям - приспособительное средство для достижения поставленных целей. Таким образом, ответ на вопрос рационален ли язык с точки зрения - средства, орудия общения в своих крайних оппозициях получает один и тот же ответ - да. Эта общность двух полюсов представлений о языке не покрывает существующего различия между ними. Несводимость языка только как средству общения (и в этом смысле рационального) в разной степени присутствует в выделенных полюсах. И именно здесь проявляется та необходимая языковая компонента языка самого по себе.

Что же между этими полюсами, которые являются перифериями не по степени значимости, а по исчерпанности только такого представления языка в человеческом существовании, которое помимо житейской обыденности - приспособления к окружающим обстоятельствам - включает поиски смысла жизни, ответа на вечные вопросы добра и зла, творческие порывы, стремление к истине и т.п.?

Традиционно перечисленные вопросы, встающие в разной степени осознанности в жизни каждого человека, также как выделенные оппозиции представлений о языке, лишь условно (правда, действующие в некоторых теориях на правах универсальных очевидностей) выделенные "вешки" в море "всего со всем связанности", текучести и неустойчивости, многозначности и, как все больше признается, подвластные хаотической детерминации. И все это в той или иной степени присутствует в языке-посре-нике - представителе человека в мире, строящем картины мира и своей включенности в него.

Позиция "божественного противостояния", подпитываемая способностью человека видеть мир как объект, как он есть сам по себе, согревающая претензия предвидеть события в отдаленном времени, не сопоставимого со сроком жизни каждого "творца мироздания" - все это находит отражение в языке. Стремление выйти за отведенные временные рамки своей уникальной жизни удивительно разрешается в диалоге не только со своими современниками, но и предками и потомками. И потому диалогичность, его двусторонность явно не соответствует по числу реальных участников общения, творящих в языке образ мира.

Кроме того, если повнимательней присмотреться к самому слову диалог (*dialogos*) где-то в начале "его жизни" в языке, то, например, в греческо-русском словаре А.Д. Вейсмана, составленном на основе употребления греческих слов в литературных памятниках того времени, это слово толкуется как разговор³. Предлог диа- (*διά*) в этом же источнике имеет значения: "посредства", "через", "в", как в пространстве, так и во времени⁴. В сложных словах эта часть слова имеет значение движения от начала до конца в пространстве и времени. И тогда можно увидеть и такие акценты в процессе говорения, рассуждения, не разведение говорения по числу участников диалога, а наведения "моста" через и посредством языка между ними. Когда в "Анонимных пролегоменах к платоновской философии" задаются вопросом, почему Платон воспользовался формой диалога, то среди прочих объяснений - "диалог - это своего рода космос". "Подобно тому, как в диалоге звучат речи разных лиц сообразно с тем, что каждому подобает, так и в космосе есть разные природы, издающие разные звуки, ибо каждая вещь звучит согласно собственной природе"⁵. "Всякая вещь возникает при наличии шести причин материальной, формальной, творческой, целевой, парадигматической, инструментальной. Материальной причине аналогичны действующие лица, время и место диалога,

формальной - стиль, творческой - душа, инструментальной - доказательства, парадигматической - проблемы, целевой - благо". "Рассматриваемая в диалоге проблема является центром, вокруг которого, как бы прицеливаясь в него, кружат доказательства"⁶.

Человечество не имеет иных возможностей создать образ мира, его отдельных фрагментов как только в языке, с его помощью. И прежде чем человек в гордом своеволии стал способным замкнуться на "я мыслю" (вырожденный случай диалога) был мир детства человечества, мир диалога по всему спектру возможностей и способностей, преданных природой человеку. И уж, конечно, там действует не только диа-лог, но и диа-голос, диа-жест, диа-мимика, и не только диа- (бинарных оппозиций): "я-ты", "плохо-хорошо", "надо - не надо", "нравится - не нравится"... а как "шולי" - взаимодействия, отнюдь не всегда завершающихся формулированием слова-знака с устойчивым однозначным смыслом, но и возникновение пульсирующих смыслов в различных образах-обличиях: в слове, жесте, рисунке, движении, поступке.

Очевидно, задействованность в языке, "опрокинутость" в языке всей природы человека, а не только его рационализирующей способности была бы явной, если бы мы взяли на себя смелость вообразить как проходило формирование языка с момента его зарождения. Но некоторое отдаленное представление об этом дают ситуации обучения языку в младенчестве, при разных формах афазии, в случаях обучения языку и речи глухих и слабослышащих детей (опыт Э.И. Леонград), слепоглухонемых детей (опыт А.И. Мещерякова). Способность к языку в устной или письменной форме возникает или восстанавливается с опорой не только на специализированные органы речевой функции (говорения, чтения, письма, понимания речи). Например, в случаях их поражения в восстановлении задействованы косвенные, обходные, компенсаторные механизмы головного мозга, центральной и периферической нервной систем. Глухой начинает "слышать" и "понимать" глазами и телом. Различные формы афазии (классификация А.Р. Лурия) требуют различных компенсаторных действий, но общим является принцип системности, нормализации всех нарушенных языковых уровней: от восстановления смысларазличительных схем отдельных звуков, снятия явлений "отчуждения смысла слова", которые характеризуются "расслоением" звуковой оболочки слова и его предметной отнесенности, до понимания смысла сложных логикограмматических оборотов речи. Последнее достигается сначала за счет включения

главным образом произвольных, автоматизированных уровней деятельности. Это "оречевление" эмоционально значимых ситуаций, оживление речевых стереотипов, хорошо упрощенных в прежней речевой практике⁷. Патология делает явными те необходимые предпосылки и составляющие языка, которые лишь только на первый взгляд уступают по своему значению диалогу в языке и диалогу с помощью языка, понимаемых лишь рационалистически.

Уместен вопрос: насколько диалог как способ существования в языке и с помощью языка применим к научному мышлению в рационалистической традиции? Положительный ответ уже из общих соображений напрашивается сразу, подкрепленный примерами из истории становления научного знания, начиная с древней философии (Индия, Древняя Греция), возникновения естественнонаучного знания (знаменитые диалоги Галилея, Лейбница-Кларка), новейшей истории науки (полемика Гейзенберга-Эйнштейна). И вовсе неуместен был бы такой вопрос ко всякого рода гуманитарному знанию и культуре в целом (диалог культур М. Бахтина и В. Библиера). Если во втором случае можно говорить о диалоге как о характеристической черте этого вида знания, то в первом говорят как о необязательной и случайной. Но эта "случайность" возникает всякий раз, да и не только, в связи с изменением ценностных приоритетов в науке, поиском более адекватных научных критериев в соответствии с вновь открытыми "очевидностями". Если позволительно так выразиться, то "олитературирование" науки, введение "ино-научной" (С.С. Аверинцев) "дискурсивной практики" происходит не только за счет "диалогического рассеивания" устоявшихся научных смыслов (что, например, происходит сейчас с "аксиомами" "классического рационализма"), но и в бытующих теперь в науке представлениях о стилях научного мышления, альтернативных точках зрения, научных парадигм (как коллективной договоренности единомышленников), образов и картин мира, допущений как формы умолчания, символов, метафор и т.д. Вся эта атрибутика гуманитарного знания была и присутствует сейчас в естественнонаучном знании, постоянно нарушая чистоту традиций классического рационализма.

Диалог с помощью языка - также, казалось бы, обычная очевидность - является, однако, одним из "поверхностных" обозначений, дабы не заглядывать "в глубину", во всю толщу жизненных прочтений языка, способного к диалогу с самим собой, к диалогу внутри языка. Это напоминает ситуацию, когда

человек вступает в разговор с самим собой. Причем "участники" в данном случае не всегда владеют словом, они могут быть только на пути к нему, который не всегда оканчивается овладением слова ("несказанные" желания, интуитивные "прозрения", предчувствия, но "неговорения"). Язык не может не содержать, не отражать эту до конца "невысказанность" в слове, неполноту, лишь иллюзорно представляющуюся полнотой каждому, притязающему на завершенность мировоззрения. Но эта "неспособность" языковой конструкции выражения отношения к миру и самому себе дает носителю языка возможность гибко реагировать на изменения в мире и с человеком по типу функциональной зависимости, далекой от однозначности. Например, это встречается в несовпадении речи и языка в его письменном выражении. Речь послушно следует сложившейся грамматической архитектонике текста. Однако сколько новых неформализуемых моментов она привносит от себя в интонациях, паузах, мелодике звучащего голоса, его чувственной окраске, накопленной в бессознательном и связанной с "внутренней формой" слова энергией пережитых конфликтов, несуществленных желаний, телесных и душевных страданий. Возникновение контекста речи лишь приблизительно отражается в письменном тексте.

Речь и письменный текст, условно охватывающие язык в целом, фиксируют то необходимое для всякого живого организма сочетание континуальности и дискретности, сочетание, как представляется, не имеющее постоянных пропорций и носителей, закрепленных за речью и текстом. Континуальность занимает как межструктурные пустоты (фонетические, лексические и синтаксические) языка, так и невыраженное внутри самих этих уровней, которые сохраняют за языком его чуткую отзывчивость и находчивость в применении. Очевидно, что язык пережил в своем сосуществовании с человеком его органическую способность приспособливаться к своему окружению всем арсеналом средств, заимствованных от своего носителя, включая не только его тягу приближений к истине, но и чувственную и душевную компоненты. Мы открываем здесь под понятийными значениями слов экзистенциальное значение, которое не только ими передается, но которое одушевляет их и от них неотделимо. Главное, что совершает выражение, состоит не в том, чтобы сдать на хранение письму идеи, которые могли бы быть потеряны... но приводит к существованию значение как

нечто в самой сердцевине текста... как новый орган чувств, открывая новое поле или новое измерение нашему опыту"⁸.

Но нам хотелось рассмотреть диалог в языке с учетом вышесказанного, но в несколько ином аспекте. Язык предельно ярко выражает судьбу любого результата деятельности, в которой задействован человек (относительно автономного существования по законам превращенных форм. - К. Маркс), обладающий способностью оборачиваться саморефлексией по поводу предлагаемых средств: отбору, сохранению, развитию и определенному диктату вовне в его использовании⁹.

Рассмотрение диалогичности внутри языка предполагает в отличие от обычного понимания "диалога с помощью языка" существование некоторой онтологии самого языка, некой "языковости". Выделение относительно независимой онтологии языка только на первый взгляд может показаться рецидивом классической рациональности - "отодвинутость", отстраненный взгляд на существование языка. Предлагаемое рассмотрение онтологии языка предполагает погруженность в языковую среду, чуткое внимание к его требованиям, учета не только структурообразующих составляющих, но и социально-психологических и общечеловеческих элементов "языковости", традиционно разделяемой по разным дисциплинам или отраслям науки. Кроме того, возможность относительно автономного рассмотрения онтологии языка покоится на том факте, что сегодня мы застаем язык как уже состоявшийся результат человеческой деятельности, наряду с другими материальными и духовными памятниками.

Коротко говоря, рассматривая относительно независимую онтологию языка, мы следуем необходимости выбранной темы исследования. Поскольку онтологическое рассмотрение - это путь к наблюдению некоторых феноменов и процессов сознания, которые необъяснимы без допущения этого бытийного уровня¹⁰.

Онтология языка в своем бытийном воплощении имеет пространственно-временные характеристики, которые имеют ярко выраженные тенденции стремиться к универсальному применению. Начальные и конечные временные параметры онтологии языка теряются в глубине веков, которые не идут в сравнение со сроками, отпущенными индивидуальному носителю языка (будь то нация, племя, род и т.п.)¹¹. А пространственные характеристики отнюдь не сводятся к плоскостной геометрии Евклида, реализуемой на плоскости листа при письменном воплощении языка. Пространство распространения языка в его речевом варианте, его география хотя и не бесконечны, но без-

граничны, особенно в наше время - время диффузного взаимодействия языков. Кроме того, пространство онтологии языка имеет параметры глубины и плотности в звуковом воплощении языка. Эта полифункциональная пространственность, как и совпадение в существовании во времени с человечеством, говорит об известной универсализации применения языка "во всяком случае", об универсальной способности языка, вторящей универсальным претензиям носителя языка, отвечать на любой его вопрос одной из своих возможностей как автономной сущности, способной к такого рода деятельности.

Таким образом, язык, разделяя судьбу любого создания человека - нести его черты, - делает это, только в более рафинированном виде. Выполняя одно из своих основных предназначений - быть средством воплощения мыслительной деятельности в коммуникационном процессе, - язык начинает "мыслить сам", порождая уже из самого себя новые формы мыслительной деятельности и предлагая не без принуждения считаться с ними в равноправном диалоге "человек-язык". В частности, например, на уровне методологической рефлексии, находясь в рамках парадигмы классической рациональности, мы испытываем давление норм, нами же предложенных и закрепленных в языке. Предлагаемые же расширения и модификации существующих языковых норм, появление новообразований корректируются и соотносятся конечно не только, но и с участием способов их выражения, то есть самого языка. Кстати сказать, тенденция в классической парадигме к объективированию отношений, в частности, к языку обращивается его субъектностью, равноправностью как партнера в коммуникативном познавательном взаимодействии.

Это фиксируется и в традиционной парадигме исследования языка, которая ориентирована на известную обособленность существования этого феномена, в возможности дисциплинарного дробления в науках лингвистического цикла. Европейская ветвь лингвистики "от Гераклита до наших дней всегда использовала, во-первых, идею всеобщего, то есть подходила к языку с универсально-безличной, а не с профессионально-ремесленной позиции народа, писаря или правителя, во-вторых же, идею тождества-противоречия формы и содержания, то есть никогда не теряя из виду водораздел между формально-логическим и бытийным, означающим и означаемым, средствами формализации и тем, что формализуется, образуя инвариантную составляющую любых взаимных формализаций"¹².

С точки зрения норм традиционной парадигмы "все, что можно знать о языке, осмысленно сказать о нем, объяснить коллегам по дисциплине, лежит между уровнем фонем и предложений, выразимо и обязано быть выражено, но только в фонетических, лексических и грамматических терминах"¹³. Три основных уровня лингвистики работают с упором на соответствующие основные понятия ее: фонема, слово, предложение.

Таким образом, чтобы противостоять гипнотическому воздействию языка, включенности в языковую среду, возникающей не без участия человека, стремящегося себя выразить, воплотить не только для себя, но и для другого, идет в европейской традиции мощная тенденция обезличивания языковых компонентов в виде грамматических структур, правил формального вывода, обобщенных понятий, символов. Эта тенденция порождает иллюзорную возможность влиять на языковую сферу как противостоящую без учета обратимости всякого человеческого действия на самого человека. Существует, однако, уже на уровне обыденного факта гибкое, творческое противостояние языковой реальности (каковую человек застает в момент своего рождения) и пользователя языка, "обреченного" иметь дело с данным языком. Язык пригоден для всех и для каждого за счет возможности подстраивания по типу органической целостности, открытой к внешнему взаимодействию, способной в то же время навязывать свои требования. Противостояние, приводит к отождествлению носителя языка с самим языком как полномочным его представителем по типу "визитной карточки", где помимо общих формальных сведений можно узнать о его происхождении, темпераменте, эмоциональной предрасположенности, пристрастиях, физических особенностях, ментальных способностях. Потеря человеком своей идентичности также, как известно, прежде всего фиксируется на уровне языка. Совершенно очевидно, что обо всех этих случаях отождествления и разотождествления можно говорить при условии, хотя бы принципиальной возможности, что члены этого отношения являются относительно самостоятельными существующими.

Если предположение об относительной автономии онтологии языка принимается, то можно сделать следующий шаг "внутрь" этой сущности, заглянуть "в эту диковинную область бы-

тования". Цель этого "заглядывания" состоит в попытке разобратся в способах языкового смыслопорождения, которое, как представляется, помимо внешней компоненты, содержащейся в его орудийности, имеет составляющую, идущую изнутри самой онтологии языка.

Язык, будучи синхронным событием во времени становлению человека, не только копирует процесс становления его, но и представляет средства выражения этого процесса. Язык является, по сути, феноменом, представляющим собой незамирающее становление ставшего, отражающее в символическом моделировании бытие человека. Вспоминая известное определение Э.Кассирером человека "как символического животного", С.С.Аверинцев отмечает: "...потребность символического моделирования своего мира не уступает по своей существенности, настоятельности, ежеминутности любой из биологических потребностей"¹⁴. "Различные стороны человеческого бытия могут взаимно "обозначать" друг друга таким образом, что нельзя сказать, какой из этих двух полюсов А и В является обозначающим, а какой - подразумеваемым: в конечном же счете "имеется в виду" не какой-то один из этих двух полюсов, но факт соотнесенности"¹⁵.

"Факт соотнесенности" оппозиций (если не буквально, то фигурально выражает диалог внутри языка) наблюдается в языке по всему набору известных оппозиций. Например, чувственное и рациональное, формальное и содержательное, обозначающее и обозначаемое и т.п. Общим в подобных оппозициях является, по нашему мнению, оппозиционность ставшего как дискретно выделенного и становящегося, как континуально незавершенного¹⁶. Неорганизованность языковой стихии, содержащая перманентно возможность ее снятия, дает импульс критического отсечения неотносящегося к возникающим определениям, но оппозиционность сохраняется, неявно присутствует, доопределяя их¹⁷. И в этом смысле язык в целом рациональнее тех частных доктрин рациональности, которые предпочитают иметь дело только с одним из полюсов выделенных оппозиций: рациональное, формальное, обозначающее, то есть только с тем, что дискретно, что можно четко сформулировать. В языке не действует закон исключенного третьего, правда, сейчас он снят и в некоторых разделах формальной логики.

Способность языка снимать оппозиционность в ассоциированных соотношениях, "в фактах соотнесенности" закреплена, соответственно, в той языковой реальности, о которой шла речь выше, как об относительно самостоятельной онтологии языка.

Оппозиционность выделенных пар, условно говоря снимается "третьим", в роли которого выступает символ, понимаемый как смыслопорождающее ядро языка, ответственное наряду с соответствующими формальными структурами за жизнестойкость языка. Символичность - это то, что вносит неформальный, однако не менее от того необходимый компонент исполнительского смысла - с-мысла, сопровождающего мысль, но к ней не сводящегося. Смыслообразующая функция языка "разлита" по всему языку, включая, казалось бы, явные бессмыслицы. Однако наиболее предстательно она выступает в слове. Слово - это то "конкретное" "третье", которое снимает оппозицию фонемы и предложения. Слово - как минимум звук и как максимум предложение. Слово - наиболее оформлено как дискретная единица языка, оно представляет символизм языка, однако им далеко не исчерпывающийся. Слово - это предмет языковой деятельности, материальным носителем которого является "языковое движение", закрепленное в звуке и графике. Слово - это и субъект действия - смыслонаполнения и означивания слова как предмета.

Вспомним далекое от однозначности соотношение знака и значения. "Всякое слово как звуковой знак значения основано на сочетании звука и значения"¹⁸. В слове нет приоритета смысла и значения над словом как предметом действия, нет страдательности и подчиненности последнего. Равноправие становится самоочевидным, когда в случае потери смысла, утраты значения слова или возникновения его заново, спасительно выступает материальный носитель слова. Автоматизм исполнения в жесте, звуке, письме, который почти не осознается в норме, дает творческий импульс наполнения или заново рожденного смысла и значения слова. Или для ребенка, когда звуки, несущие пока неизвестные ему смыслы, уплотняются в слове, подкрепленные для лучшего усвоения деятельностью с визуальной предметностью, вещественностью. Эта деятельность впоследствии теряет свой обязательный и очевидный на первом этапе освоения словесностью характер, она может принять вид автоматического ее использования или заменяется деятельностью с вещественностью слова как знака.

Всем известен факт, что в одном и том же слове могут быть "упакованы" или как бы содержатся различные смыслы, которые его переполняют, порождая символическое звучание слова, отдаляющее его от ситуации однозначного употребления. Именно это обстоятельство, по нашему мнению, проблематизирует ситуацию только лишь рационалистически понятой схемы диалога, остав-

ля за ней значение лишь некоторого результирующего момента, необходимого, но не достаточного для жизни слова, поскольку его смысл явно или неявно перепроверяется и выбирается, возвращая слово к началу его возникновения для будущего употребления. Диалог слова как знака со своими реальными и потенциальными смыслами представляет собой процесс постоянного доопределения друг друга в виде взаимодействия дискретного (слово-знак) и континуального (слово-смысл).

Ситуация далека от однозначности и наперед заданного порядка еще и потому, что дискретный знак не всегда консервативен и стабилен, а континуальность смысла не всегда изменчива и нефиксируема; так, например, известно, что вечные смыслы, например, добра и зла, меняют со временем свое знаковое обозначение.

Таким образом, слово в своей предметной функции служит знаком, который выражает связь между означающим и означаемым. При этом как выразительное средство "языковый знак произволен" (Соссюр Д.Ф.). Значение, смысл как содержание этой ассоциативной связи, восполняющее разрыв между означающим и означаемым или понятием и звуковым образом (Э. Кассирер), понятием и образом (И. Кант), устанавливается не только домысливанием, но идет с использованием всех возможностей, данных человеку в его отношении к окружающему миру¹⁹.

"На обширной шкале типов значений... имеются крайние случаи. На одной стороне знак, который являет собой (или стремится к этому) ближайшую репродукцию изображаемого, на другой - чисто конвенциональные или даже "пустые" знаки, которые, как говорит Гильберт, ни на что вне себя не указывают"²⁰. Последний крайний случай говорит о знаке того, что актуально не существует, а существует в возможности. Здесь знак наиболее ярко представлен в качестве символа. По мысли Пирса, символ обозначает и содержит указание не на конкретную вещь, а род вещи, сам являясь не вещью, а родом. Полное осуществление свое он может получить только в будущем. Это представление концентрированно выражает то, что вкладывается в представление слова как символа, то, что в разной степени принадлежит всей шкале значек, о которой говорит Вейль. Символ опосредует связь человека и мира, ибо он обозначает не само понятие, а отношение между вещами и понятиями (Э. Кассирер). "В символе происходит процесс объективации смысла, то есть выраже-

ние определенного состояния субъекта в некоторой фиксированной предметной форме²¹.

Это состояние субъекта может передаваться, в частности, интонацией и звуком. Интонационная окрашенность языка в первую очередь и наиболее явно присутствует в речевом его исполнении, окончательно не затихает и в его письменном варианте. Сдвиг акцентов в последнем случае на письменной форме, делая его визуально наблюдаемым, создает удобную для его исследования отстраненность, делая самоочевидным допущение, что письменной форме однозначно соответствуют определенное содержание и смысл. Но не случайно при чтении текста мы как бы слышим интонацию и манеру говорения слышимого ранее автора, которые, как представляется, могут способствовать пониманию письменного текста. Однако может быть ситуация и иная. Речь была убедительной по тону говорящего, тексту этого явно не достает, или текст противоречит сказанному и на слух воспринятому и даже его опровергает.

Между тем "фигуры речи, способствуя усилению самовыразительности, представляет для этого обширные возможности, демонстрируя онтологию речи как загадки²². Решение загадок онтологии речи, собственно, и "разбивает" как однозначность, так и автономию языка, делая их относительными, поскольку в данном случае "объект вовсе не предопределяет точки зрения: напротив можно сказать, что точка зрения создает самый объект"²³. Ситуация в языке такова, что разнообразие точек зрения на способы обозначения, многогранность самих предметов рассмотрения в сочетании со множественностью механизмов их понимания делают число этих точек зрения неопределенным²⁴. Эта ситуация в языке не случайна, поскольку она является следствием многосложности, многоуровневости и многосопрыженности сознания человека, порождающее такие эффекты, когда вследствие "взаимодействия этих притяжений или многообразных слоев, ...сами эти эффекты не можем расположить в непрерывную цепочку в реальном пространстве и времени, в том числе в реальной последовательности причинной связи. Мы не можем их расположить в непрерывно прослеживаемом реальном протяжении.

Эти слои срабатывают вместе и мгновенно. Состояние системы, сворачивающее и упаковывающее в себя (или разворачивающее) одновременно срабатывающую иерархию многообразных слоев"²⁵.

Упаковывание и распаковывание смысла, смыслопорождающая способность языка должна обладать возможностью фикси-

ровать этот процесс в слове. Эта родничковая пульсация вновь прибывающего смысла в языке, не поднимая значительно уровня поверхности, не нарушая его самотождественной целостности, выраженная в слове, "истекает" в прикладное использование, делая процесс самопорождения смысла открытым. Тем самым оно, в свою очередь, подготавливает и обеспечивает корректировку имманентного смыслопорождения в языке.

В установлении заочности несколько иначе повятой диалогичности еще раз, и это следует подчеркнуть, восторжествовала рациональность, может быть, более гибкая, чутко реагирующая на проявленность обстоятельств, ранее не востребованных рефлексивным сознанием, существовавших и существующих в виде тех мнимостей, о которых говорил М.К. Мамардашвили и которые предстают в превращенных формах. "В случае примеров превращенного действия или поевращенной формы, когда мы можем что-то описать, руководствуясь понятием системности или эффекта системности, органической целостности, то оно (это описание) содержит в себе определенные мнимостные значения, вносит в наше мышление мнимые измерения"²⁶. Эти мнимости ведут к тому, что мы в принципе не должны стремиться что-то представить наглядно или модельно. Мы можем это что-то представить в виде символических значений, косвенно раскрывающих эти мнимости. Но эти символы относятся к нашему предметному языку, формирующему свою онтологию отношений, к реальному бытию языка.

Можно сказать, что любой рационализирующий всплеск, творящий систему, картину мира, обязательно в качестве дополняющего оппорирования питается этими до конца невыговоренными мнимостями. Но существующими в виде в принципе неформализованного до конца, если так можно выразиться, исполнительства, заложенного в самом языке.

1 Не беря на себя смелость давать и его обосновывать $n + 1$ определение рациональности, возьмем в данном тексте, в качестве конструктивного момента, понимание рациональности в языке как (необходимой, но недостаточной) формообразующей и упорядочивающей функции самого языка.

2 См., например, В.Гумбольдт: "Тип и функция языка есть организм духа" В кн.: Гумбольдт В. Язык и философия культуры. М., 1985. С. 365.

3 Греческо-русский словарь. Сост. А.Д. Вейсманом. Спб., 1883. С. 307.

4 Там же. С. 299.

5 Платон. Диалог. М., 1986. С. 490.

- 6 Там же. С. 494.
- 7 См.: Патология речи органического и функционального генеза (глинико-психологический аспект и терапия). М., 1985; Восстановление речевой функции больных с разными формами афазии. (Метод. рекомендацки). М., 1985. Ч. 1.
- 8 Мерло-Понти М. Тело как выражение и речь // Онтология. Эстетика. Религиозная философия. Труды высшей религиозно-философской школы. Вып. 2. Спб., 1993. С. 60.
- 9 Трудно удержаться и не привести развернутую и схематичную мысль В. Гумбольдта: "Так как ко всякому объективному восприятию неизбежно примешивается субъективное, то каждую человеческую индивидуальность независимо от языка можно считать носителем особого мировоззрения. Само его образование осуществляется через посредство языка, поскольку слово в противоположность душе превращается в объект всегда с примесью собственного значения и таким образом приносит новое своеобразие. Но в этом своеобразии, так же как и в речевых звуках в пределах одного языка, наблюдается всепроникающая тождественность, а так как к тому же на язык одного народа воздействует однородное субъективное начало, то в каждом языке оказывается замешанным свое мировоззрение. Если звук стоит между предметом и человеком, то весь язык в целом находится между человеком и воздействующей из него внутренней и внешней природой. Человек окружает себя миром звуков, чтобы усвоить и воспринять мир предметов. Это положение ни в каком случае не выходит за пределы очевидной истины. Так как восприятие и деятельность человека зависят от его представлений, то его отношение к предметам целиком обусловлено языком. Тем самым актом, посредством которого он из себя создает язык, человек отдает себя в его власти: каждый язык описывает вокруг народа, которому он принадлежит, круг, из пределов которого можно выйти только в том случае, если вступаешь в другой круг". Гумбольдт В. О различии строения человеческих языков и его влияния на духовное развитие человеческого рода // Звегинцев В.А. История языкознания XIX-XX веков в очерках и извлечениях Ч.I. М., 1964. С. 98-99.
- 10 Мамардашвили М.К. Классические и неклассические идеалы рациональности. Тбилиси, 1982. С. 54.
- 11 См. статью А. Анисова в этом ежегоднике "О специфике познания прошлого".
- 12 Петров М.К. Язык, знак, культура. М., 1991. С. 59.
- 13 Там же. С. 60.
- 14 Аверинцев С. Аналитическая психология К-Г. Юнга и закономерности творческой фантазии // О современной буржуазной эстетике. М., 1972. С. 148.
- 15 Там же. С. 149.
- 16 Аналогична стойкая оппозиционность пары представлений "потенциально бесконечного" и "актуально бесконечного" в языке математики.
- 17 См. в этом ежегоднике ст. В.Н. Поруса "Принципы рациональной критики".
- 18 Потебня А.А. Записки по теории словесности. Харьков, 1905. С. 203.
- 19 Понятие "значение" как содержания имеет широкий и незаконченный разброс представлений. См.: Фриз И. Значение и лингвистический анализ // Новое в лингвистике. Вып. II. М., 1962. С. 98-117.
- 20 Вейль Г. Математическое мышление. М., 1989. С. 57.

-
- 21 *Туманова Л.Б.* Естественное-научное понятие и история культуры (опыт современного анализа идей Э. Кассирера) // *Вопр. истории естествознания и техники.* 1988. N 4. С. 143.
 - 22 *Неретина С.С.* Слово и текст в средневековой культуре. История: миф, время, загадка. М., 1994. С. 136.
 - 23 *Соссюр де Ф.* Курс общей лингвистики. М., 1993. С. 33.
 - 24 *Гумбольдт В.* Характер языка и характер народа // *Язык и философия культуры.* М., 1985. С. 378.
 - 25 *Мамардашвили М.К.* Указ. соч. С. 75. Эта ситуация, сложившаяся в онтологии языка, упаковывания и распаковывания смысла, напоминает ситуацию, которая отмечена современным междисциплинарным исследованием - самоорганизацией.
 - 26 *Мамардашвили М.К.* Указ. соч. С. 76.